

Н. Г. Смирнов

ГОСУДАРСТВО
СОЛНЦА

Николай Смирнов
Государство Солнца

Издательство "Руда"

1928

УДК 82-311.8
ББК 84(2Рос=Рус)

Смирнов Н. Г.

Государство Солнца / Н. Г. Смирнов — Издательство "Руда",
1928

ISBN 978-5-6040759-4-4

Книга написана по мотивам реальной истории, произошедшей в конце XVIII в. Русская Камчатка, Япония, Франция, Мадагаскар – где только ни побывает сын ссыльного крестьянина Лёнька Полозьев, чтобы найти Тапробану, заветное Государство Солнца.

УДК 82-311.8
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6040759-4-4

© Смирнов Н. Г., 1928
© Издательство "Руда", 1928

Содержание

Часть первая	8
1. Наша жизнь на Камчатке	8
2. Новые люди	14
3. Новые дела	18
4. Школа	21
5. Охота на соболя	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Смирнов Государство Солнца

Иллюстрации: Роман Кашин

© Изд-во «Руда», 2018

© Роман Кашин, иллюстрации, 2018

Мориц Август Бенёвский 1746–1786

Многое из описанного в этой книге, произошло на самом деле. Однако сколь бы удивительными не были события на ее страницах, реальность была еще более удивительной!

Главный герой «Государства Солнца» Август Беспойск (Мориц Август Бенёвский) – историческое лицо. За свою недолгую жизнь этот венгеро-словацкий путешественник, авантюрист и искатель приключений успел побывать и гусарским капитаном, и пленником, и пиратом, и графом, и бароном, и королём. Он объездил полмира, участвовал в войнах и восстаниях, продавал, обманывал, созидал и совершал великие подвиги.

За его приключениями лично следила Екатерина II. Он дружил с Бенджаминем Франклином, с Магелланом (потомком мореплавателя), предлагал свои услуги Джорджу Вашингтону, принял графский титул от Людовика XVI.

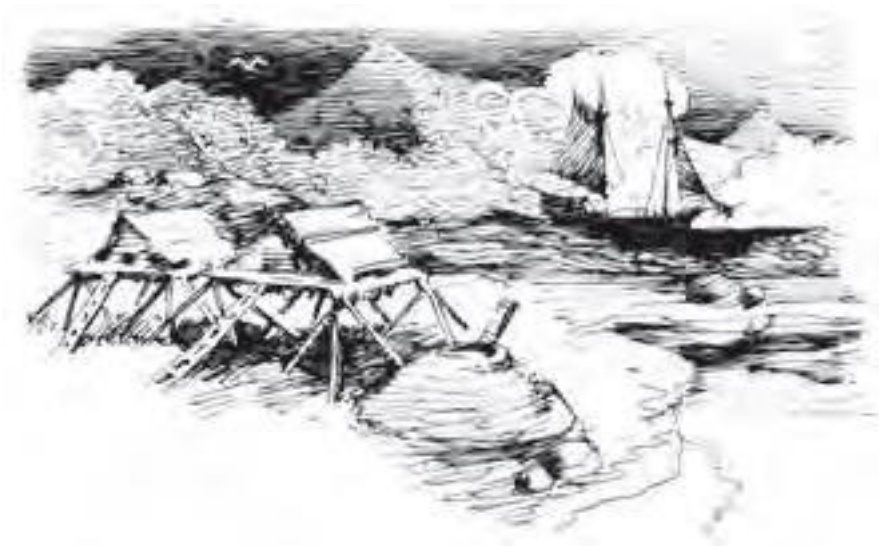
В столице Мадагаскара городе Антананариву есть улица Бенёвского, а в заливе Хелодрано Антонгила (книж. Антонжиль) до сих пор существует город Мароантсера, которому Мориц Бенёвский дал собственное имя.

Жизнь этого неуёмного искателя не раз вдохновляла художников и писателей взяться за кисть или перо. Перед вами одна из таких книг. Её написал в 1928 г. Николай Григорьевич Смирнов, известный советский писатель и драматург, популяризатор научных и профессиональных знаний для детей и юношества.

На страницах его книги снова оживут события более чем 200-летней давности. Стоит только открыть её...

Часть первая Большерецкий побег

1. Наша жизнь на Камчатке

– Лёнька, – сказал мне отец, – выйди-ка на двор. Если кого увидишь, стукни пяткой в порог два раза.

Я знал, что это значит: отец решил посмотреть порох, который хранился у него под кроватью в окованном железом сундучке. Поэтому, не задавая лишних вопросов, я вышел во двор и стал перед дверью.

Этот сундук с двумя пудами пороха был нашим единственным достоянием. Отец считал, что порох вернее денег, сахару, табаку. Он выменивал его где только возможно и на что возможно. И вот лет за десять накопил два пуда. От всех он скрывал своё богатство.

Один раз только, когда рыба не подошла к нашим берегам и начался голод, он отсыпал порядочный мешочек и променял его на оленью самку – *нямы*. Самку эту мы ели две недели, а потом подошла рыба. И ещё помню, как однажды отец собрался умирать от горячки, позвал меня и сказал едва слышно:

– Береги, Лёнька, порох – тебе его на всю жизнь хватит. Поклянись, что не будешь менять на водку, как вырастешь. И палить не будешь зря...

Обливаясь слезами, я дал клятву. Отец тогда не умер, но я запомнил мою клятву на всю жизнь: всегда относился к пороху бережливо, хоть и получил ружьё в руки с двенадцати лет. Правда, ещё задолго до этого я ходил с отцом на охоту, присматривался к его повадкам. Но с двенадцати лет я получил ружьё в собственность, охотился один и стрелял наверняка, особенно если удавалось положить дуло на что-нибудь. А палить зря мне и в голову не приходило.

Но всё-таки я не понимал бережливости отца. Мы хранили богатство в сундучке под кроватью, а сами жили скверно, не лучше камчадалов. Одевались, как и они, в оленье меха, питались главным образом рыбой. Хлеба и сахара не видали по нескольку месяцев. Правда, могли бы и лучше жить, даже не тратя пороху. Но по закону каждый ссыльный должен был приносить в канцелярию начальника Камчатки пятьдесят шкурков соболей и горноста в год. А это составляло добрую половину нашей добычи. Да к тому же канцелярские чиновники и солдаты обирали нас.

Жаловаться было некому, драка с солдатами каралась смертью, и приходилось поэтому помалкивать.

Жили мы в поселении ссыльных, недалеко от Большерецка, на Камчатке. Здесь я и родился в 1756 году. Отец мой был из государственных крестьян, и звали его Степан Иванович Полозьев. В молодости он бы приписан к уральскому железному заводу Сиверса. В пятьдесят третьем году его послали рабочие как грамотного в Питер жаловаться самой царице Елизавете на хозяев. Но до Питера он не добрался: по дороге его схватили вместе с товарищем, наказали плетью и сослали на вечную ссылку в Сибирь. Из Нерчинска, где ему пришлось жить, он попытался убежать. Но его поймали, вырвали ноздри особыми щипчиками и заporоли бы до смерти, да пожалели: был он хороший кузнец, а в Сибири такие люди нужны. Только с вырванными ноздрями нерчинский начальник не захотел его держать у себя, и его погнали по Сибири дальше. Жил он и в Охотске, но и там не прижился. В конце концов оказался на Камчатке,

в Большерецке. Дальше посылать было некуда – за Камчаткой началось море. Отец и остался жить в Большерецке, где скоро женился на камчадалке¹.

Матери своей я не помню совсем. Она умерла, когда мне было два года. Отец вынуждал меня один на звериных шкурах, выучил говорить по-русски, а когда я подрос, даже грамоте научил. Меня он очень любил и в детстве много со мной возился. Я его тоже любил, привык к его страшному лицу и считал его даже красивее других людей. С виду он был похож на айноса²: ходил в старой меховой кухлянке³ с собачьим воротником и отрастил бороду до живота. Мысль о бегстве теперь ему уже и в голову не приходила. Стал он бережливым хозяином и всё больше молчал. Кузнечеством занимался мало, промышлял охотой. Бил медведей, волков, а главное, мелкого зверя. Этим мы и жили, потому что отец – как осуждённый на вечную ссылку, никакого пособия от казны не получал.

По закону я был свободным человеком, но детей ссыльных тогда из Сибири не выпускали. И как наследник двух пудов пороха и двух ружей я, конечно, превратился бы в заправского охотника, тем более что я любил Камчатку с её морозами и туманами и не имел нигде больше на земле ни родственников, ни друзей. Но вышло наоборот. Камчатским охотником я не стал, а обзавёлся знакомствами чуть ли не на всей земле. Но об этом дальше.

Наш посёлок ссыльных находился в версте от Большерецка. Городок этот был в ту пору небольшой: сорок домов, деревянная церковь, казённый кабак да крепость-острог. В крепости жил комендант Камчатки капитан Нилов да полсотни солдат. А в городе жили купцы, казаки, охотники. Стены у крепости были деревянные, а по углам стояли пушки. Вот и весь город. А наш посёлок был и того меньше: десяток домов вместе с сараями. Жили ссыльные без всякой охраны, потому что начальство считало, что никуда из Камчатки убежать нельзя, да и мы сами так думали.

Все ссыльные, кроме отца, были из дворян и на Камчатку попали за заговоры против цариц. Им из России присылали иногда деньги и разные вещи. Но они занимались охотой и рыбной ловлей наравне с нами. За деньги здесь не всегда можно было купить продовольствие.

В то время, к которому относится мой рассказ, в нашем посёлке, кроме нас, жило четверо ссыльных. Трое из офицеров, а один – лекарь, немец Магнус Медер. Ме дер мне казался важным господином. Ходил он в круглых очках и всюду носил при себе часы. Осенью он бродил по болотам, собирал травы для лекарств. Недалеко от нас жил другой ссыльный – офицер Хрущёв. Дом у него был большой, и, должно быть, был Хрущёв богатым человеком. Летом он иногда одевался, как настоящий дворянин, и ходил по посёлку в белых чулках и шёлковом кафтане. Был ещё ссыльный – старый офицер Турчанинов. Его я в детстве боялся, потому что говорить он не умел, а только выкрикивал отдельные звуки да махал руками. Потом я узнал, что у него отрезана половина языка за то, что в Петербурге он изругал императрицу. На краю посёлка жил офицер Леонтьев, нелюдимый, бледный. Вечно он кутался в одеяло и редко показывался на улице.

Отец с офицерами не знался. Он считал, что и ноздри у него вырваны по офицерской милости. Всегда он обходил их дома кругом и никогда им не кланялся. За это офицеры нас просто не замечали. Да мы в этом и не очень нуждались.

У нас была маленькая изба, низкая, как гроб, построенная отцом ещё до моего рождения. Была лодка-байдарка на два человека, лёгкая, как листок, сделанная из ивовых прутьев и тюленьих кож. Ещё была собака Нест, порох и ружья. А больше ничего у нас не было.

Впрочем, была ещё одна вещь: книга, купленная отцом в Большерецке у какого-то канцеляриста. По книге этой я учился грамоте и знал её наизусть. Называлась она «Юности Чест-

¹ Камчадалы – русское название коренного населения Камчатки.

² Айны – древнейшие обитатели Японских островов, жившие в описываемое время и на русском Севере.

³ Глухая верхняя одежда народов Крайнего Севера. Обычно шилась из оленьих шкур мехом внутрь или наружу.

ное Зерцало» и содержала в себе букварь и правила любезного поведения. Правила эти мне на Камчатке негодились, как, впрочем, и сама грамота. Ведь других книг у нас не было, и я даже не представлял себе, что из книг можно многое узнать. Если я что-нибудь и знал в то время, то только из рассказов.

Кое-что рассказывал мне мой приятель Ванька Устюжинов. Он был сыном большевецкого попа и со слов отца просвещал меня по части Священного Писания и истории. Но Ванька сам знал мало, а что знал, то давно рассказал. Поэтому мы обыкновенно угощали друг друга рассказами собственного сочинения. Мечтали переплыть моря и погулять по чужим краям. Но что делается в этих чужих краях, мы оба не знали, как не знал и поп, Ванькин отец.

Зато о моей родине, Камчатке, я знал гораздо больше. К отцу иногда заходили камчадалы, особенно один – Паранчин, родственник моей матери. Он дружил с отцом, давал ему оленей и помогал продавать меха. Был Паранчин христианином и хорошо говорил по-русски. Являлся он к нам всегда неожиданно и очень любил сообщать и узнавать новости. От него я прежде всего научился камчадалскому языку и узнал множество слов других камчатских языков. Знал, что олень называется по-якутски «*орон*», а по-коряцки – «*элли вух*».

Паранчин, со слов стариков, рассказывал мне, как русские покорили Камчатку и как начали истреблять камчадалов ни за что, ни про что. Как потом камчадалы вместе с Курилами⁴ решили отомстить русским и за это жестоко пострадали. Паранчин мне рассказывал ещё о собаках, на которых ездят зимой, о китах, а птице гаге и о мышях *тегульчич*. Он меня научил, как можно под землёй находить запасы этой мыши – кедровые орешки и корни *сараны*. Осенью мы ходили за этими орехами и иногда приносили по пуду. Но тот же Паранчин растолковал мне, что если унести все мышьиные запасы, то тегульчич с горя повесится на раздвоенном сучке. Надо непременно оставить ей в обмен на орехи икры или ещё какой-нибудь еды, чтобы не случилось этого несчастья. Паранчин мне рассказывал о камчатских вулканах, из которых в старину брали огонь.

Позже, когда я подрос, я стал понимать, что в словах камчадала было много и выдумки. Так, Паранчин утверждал, что зимой по горам разъезжает карлик Пихляч в санках, запряжённых белыми куропатками. Если наступишь на его след, заблудишься, замёрзнешь, непременно пропадёшь. Если же ударишь по следу ивовым прутиком, то Пихляч сейчас же явится и притащит черно-бурую лисицу. Однако ничего похожего никогда не случалось, хотя я брал с собой на охоту прутик и бил им по следам куропаток не один раз. Постепенно я перестал доверять Паранчину, и он из учителя превратился в приятеля. Я всегда был рад поболтать с ним, потому что отец мой был неразговорчив.

И вот теперь, когда я стоял на страже у наших дверей, я увидел вдали оленью упряжку и самого Паранчина в санях. Длинной палкой он колотил оленей по рогам, и видно было по всему, что он спешит к нам. Я стукнул в порог пяткой два раза и стал его дожидаться.

Но Паранчин на меня и не посмотрел. Бросил оленей и прямо прошёл в избу.

Я понял, что он привёз какие-то важные новости, тем более что ехал он от моря. И я вошёл в избу следом за ним.

От Паранчина сильно пахло оленями и жиром. Он снял шапку, низко поклонился отцу, который только-только успел спрятать под кровать порох. Потом закричал немного нараспев:

– Живо, Степан Иванович, собирайся, на лодке ехать надо. Корабль пришёл из Охотска ночью. Стал на Чекавке. Надо ехать добро менять.

Корабли в Большерецк приходили редко – раза три в год. А зимой совсем не приходили. Поэтому сообщение Паранчина было для нас приятной новостью: на корабле можно было обменять шкурки.

Отец закричал:

⁴ Здесь: население Курильских островов.

– Лёнька, забирай пяток соболей и лисицу!

Я не заставил себя упрашивать, натянул новые торбасы – меховые сапоги – прямо на голые ноги, накиннул кухлянку, увязал шкурки в тюленью кишку, чтобы не промокли. Вышли из избы вместе, все трое.

Скоро мы уже возились на берегу реки Большой у нашей байдарки. Спустили её на воду, отец взялся за весло. Паранчин остался на берегу, так как в лодке было всего два места.

И вот мы поплыли по реке к её устью, которое называлось Чекавкой.

2. Новые люди

Всю осень этого, 1770-го, года шли проливные дожди и стояли оттепели. Поэтому Большая до конца ноября не замёрзла, хотя в прежние годы всегда покрывалась льдом к началу ноября. Ближе к Чекавке река не замёрзала совсем. Там заходили с моря приливы и не давали льду устанавливаться. Когда мы выехали, был отлив, и вода бурно бежала к морю. Волны подхватили лодку, и я оглянуться не успел, как вдали показалась беспокойная гладь устья и качающийся корабль. Это был «Пётр», казённый галиот, приписанный к Охотску.

Когда мы подошли к кораблю ближе, отец сказал:

– Здорово его потрепало, горемыку...

Действительно, на корабле не было задней мачты, а с бортов свешивались длинные ледяные сосульки. «Пётр» имел жалкий вид, хотя пузатые борта его довольно высоко поднимались над водой.

Мы подошли к кораблю вплотную и стали выискивать, где бы можно подняться. С борта свисал узловатый канат. Я уцепился за него и стал карабкаться на корабль. Отец остался в лодке: ему, как ссыльному, запрещалось подниматься на морские суда.

На палубе ничего нельзя было разобрать. Мачта была сломана, и обледенелые снасти перепутались. Трудно было пройти, чтобы не упасть. У борта матрос в полушубке рубил лёд топором.

Он заметил меня и закричал:

– Ты откуда взялся?

– Из Большерецка.

Посмотрел на меня пристально:

– Ты что, курил?

– Я не курю, – ответил я серьёзно.

Матрос захохотал:

– Тебе чего здесь надо?

– А что у вас есть? У меня соболя... Порох есть?

Соболя у нас ходили как деньги, и я знал, что на кораблях за них дают хорошую цену. На этот раз мне не повезло.

– Какого тебе пороху? – закричал матрос. – Не видишь разве, что у нас делается? Почти весь груз пропал, без хлеба зиму будете сидеть. И корабль-то едва уцелел...

И он тут же положил топор и принялся мне рассказывать о тех приключениях, которые выпали на его долю за последнюю неделю. Прежде всего я узнал, что он – охотский казак и фамилия его Андреянов.

Плавать он начал недавно и в морском деле понимал, должно быть, не намного больше моего.

– Погрузили, значит, братец ты мой, – начал он после этого предисловия, – в Охотске соль, муку для большерецкого острога да пятерых ссыльных нам дали в придачу, чтобы сюда завезти. Вышли в море, поднялся ветер с норда⁵. Начал он нас трепать. Сильная волна хлещет через корабль. Палуба и обмёрзла. Ядра по кораблю, как горох, катаются. Капитан вышел пьяный, только рот раскрыл – бах! – с ног свалился и руку сломал. Стал подниматься, опять упал, сломал ногу. Унесли мы его в каюту, а буря ещё сильнее. Не знаем, что делать. Штурманы, будь им неладно, спорят, а команды не дают. Я, конечно, думал, что гибель наша пришла, родителей поминать стал. Вдруг – трах! – задняя мачта упала. Что ты будешь делать? Выходит тут из каюты ссыльный один, поляк, из тех пятерых. «Сто пятьдесят ведьм! – говорит. – Вы что же,

⁵ Норд (мор.) – север, зюйд – юг, южное направление.

погубить нас хотите?» Мы говорим: «К тому дело клонится». Сошёл он к капитану в каюту, поговорил с ним вполголоса, выходит на палубу с рупором. Вышел на палубу да как закричит: «Тысяча ведьм! Убирай паруса! Руль на зюйд – и больше никаких!..» Видим мы, что в морском деле он понимает и ругается не хуже капитана. Подобрали паруса, как он приказал. Два дня мотались. А на третий день и земля показались.

– Камчатка? – спросил я.

– Какое там! Сахалин. Отнесло нас в другую сторону. Но все живы остались.

– А как поляка звать?

– Август Беспокойный. Хотел он, значит, у Сахалина отстояться, да капитан не разрешил.

«Держите, – говорит, – на норд». Август положение определил, поправили мы груз и потащились через море черепашим шагом. Так и дошли.

Рассказ матроса мне понравился. Я уже предвкушал, как расскажу его Ваньке Устюжину. Особенно меня заинтересовала личность таинственного поляка. Я огляделся по сторонам и тихо спросил:

– А где же поляк-то этот? Убежал, что ли?

– Нет, не убежал. На берег их всех спустили, в сторожку. К коменданту повезут, как лодка придёт из крепости. Даст ему Нилов рублей сто за геройство...

– Офицер он?

– Сказывают, генерал...

О генералах я тогда ещё ничего не слыхал. Не знал даже точно, что это значит. Хотелось, конечно, расспросить матроса, да времени не было. Чтобы закрепить приятельские отношения с Андреяновым, я вынул пригоршню кедровых орехов из кармана:

– Держи.

Андреянов взял орехи.

– Сказывают, что в бою его забрали в плен, – продолжал он свой рассказ. – На одну ногу припадает – должно быть, ранен...

Но мне уже некогда было слушать дальше. Я спросил деловым тоном:

– А сахарку у вас не найдётся?

– На мену нет. Тебе один кусок дам. – Пошарил в карманах и вытащил обгрызенный кусок сахара.

– Больше нет, подмок.

Я поблагодарил и начал прощаться.

– Заезжай ещё, как посвободнее будет, – сказал мне Андреянов на прощанье. – Будем трюм разбирать, может, и порох найдётся...

– Ладно, приеду. Спасибо на приглашение...

Я спустился в лодку по тому же канату. Отец отругал меня за то, что я долго оставался на корабле и вернулся с пустыми руками.

– Нечего сказать, с толком сплавали! – буркнул он и принялся грести.

К нашему счастью, прилив начал подниматься, течение изменилось. Мы быстро поплыли назад.

Тут я увидел, что от берега отвалила крепостная шлюпка на шести вёслах. В ней сидели казаки и, должно быть, новые ссыльные. Я попросил отца подойти к ним поближе. Отец налёг на весло, и мы стали их догонять.

В это время со стороны Большерецка показалась байдарка с ссыльными офицерами. На носу стоял высокий офицер Хрущёв, в белой кухлянке с длинным мехом по подолу, в какой камчадалы хоронят покойников. Он что-то кричал. Мы подошли ещё ближе и могли видеть всё, что происходит.

Хрущёв высоко поднял руку и закричал новым ссыльным:

– Привет! Какие новости в Европе?

– У кого спрашиваешь? ответил ему конвойный казак. – Не видишь разве? Ссылные...

Откуда им знать...

– Ссылные... Ура!.. – закричал Хрущёв.

– Ура! – подхватили офицеры.

Тогда один из новых вскочил на скамейку в шлюпке и крикнул:

– Две тысячи ведьм!.. В чём дело? Мы сюда приехали не для того, чтобы над нами издевались первые встречные...

У этого человека было обветренное худое лицо, поросшее светлой бородой. Но голос его звучал крепко. Никаких сомнений не могло быть в том, что это и есть Август Беспоконный. Как раз «ведьмами» угощал он матросов во время бури.

– Не обижайтесь на нашу радость, – сказал Хрущёв, когда байдарка и шлюпка встретились. – Мы ваши товарищи по несчастью. Отсидите здесь с моё, поймайте наше «ура»...

– В таком случае, приветствую вас! – сказал поляк и поднял руку. Хрущёв продолжал:

– За что вы попали в наши места, и кто вы такой?

– В прошлом – польский генерал, – отвечал поляк весело. – Когда нужно – капитан дальнего плавания. А в настоящий момент – раб русской императрицы. Но в обиду себя нигде не даю...

Байдарка и шлюпка сошлись вместе. Хрущёв пожал поляку руку и заговорил с ним быстро на каком-то незнакомом языке. Поляк ответил.

Я ровно ничего не мог понять из их разговора. Понял только, что они говорили не по-камчадалски и даже не по-китайски.

Их лодки шли медленно. Мы им срезали нос⁶ и оставили их далеко позади.

У самого нашего селения на берегу торчала фигура Паранчина. Он начал радостно махать руками. Помог вытащить байдарку и справился о порохе. Отец ничего не ответил, предоставляя мне рассказать камчадалу о нашей поездке. Я это и сделал тут же, угостив Паранчина в придачу половиной сахарного куска.

⁶ Срезать нос или корму (мор.) – пройти максимально близко.

Отец ушёл домой, а мы с Паранчиным остались на берегу. Он непременно хотел посмотреть новых ссыльных, а я должен был показать ему, который из них поляк. Скоро офицерская байдарка и шлюпка вышли из-за поворота.

Офицерская байдарка причалила к берегу недалеко от нас. А шлюпка с вновь прибывшими пошла дальше, к Большерецку. Начинались сумерки, и шлюпка пропала в сероватой мгле. Паранчин едва разглядел Августа Беспойского.

Так впервые я увидел человека, который сыграл в моей жизни большую роль. С этого дня всё переменялось в нашем Большерецке. Новости начали возникать так стремительно, как будто за их изготовление принялся сам Паранчин. Тихая жизнь наша была потрясена до самого основания.

Начать с того, что на другой же день в полдень к нам в избу вломился, как безумный, Ванька Устюжинов. Он сел на лавку, отдышался, потом вскочил и заорал:

– В Большерецке открывается школа!..

Дальше он, захлёбываясь, сообщил, что в школе будут учить не только грамоте, но и геометрии и географии. Устраивает школу пленный поляк, которого зовут не Август Беспойский, а Август Беспойск. И что Нилов приказал начать занятия не позже как через неделю.

Из этого сообщения я прежде всего понял, что поляк мог быть при нужде не только капитаном дальнего плавания, но и учителем и что, таким образом, приезд его в наши края касается и меня.

3. Новые дела

Мы вышли с Ванькой на двор, и тут он мне более подробно рассказал всё, что узнал о новом приезде и его планах.

Беспойск был польским помещиком и имел двойное имя – Морис-Август. Ему было двадцать пять лет, когда родные отобрали у него имение, и он решил сделаться моряком. В немецком городе Гамбурге он изучал мореплавание и уже собирался плыть в Индию, когда поляки у него на родине составили заговор – конфедерацию, чтобы прогнать своего короля. Беспойск решил примкнуть к заговору, приехал в Варшаву, дал присягу на верность конфедератам и получил командование над кавалерийским отрядом. Русская императрица вступилась за польского короля, и Беспойск несколько раз дрался с русскими.

В конце концов он был ранен в сражении и попал в плен. В кандалах его отправили в Киев, а оттуда в Казань, в ссылку. Однако он недолго пробыл в Казани. Вместе с пленным шведом Винбландом он бежал оттуда, переодевшись в форму русского офицера. Добрался до Петербурга, чтобы уплыть за границу на корабле. Но капитан корабля, голландец, донёс об их планах тайной полиции. Ночью, когда Беспойск и Винбланд усаживались в шлюпку на Неве, их арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Потом в наказание за побег тайный суд приговорил их к вечной ссылке на Камчатку. Поэтому оба они к нам и приехали.

Всё это Ванька рассказал мне со слов своего отца, который часто бывал у Нилова. Ванька добавил, что Нилов принял Беспойска очень любезно, благодарил за спасение корабля, оставил обедать и за обедом велел рассказать всю свою жизнь. Когда Нилов узнал, что Беспойск знает языки и географию, он просил заниматься этими предметами с его сыном Васькой. Беспойск согласился, но тут же попросил разрешение открыть школу для всех желающих. Нилов вызвал купцов, и один из них – богач и самодур Казаринов – обещал пожертвовать лес на школу. Остальные пообещали поддержать гвоздями. Так что теперь, значит, всё дело за постройкой избы для школы.

– Так-то так, – сказал я, подумав. – Школа – это великое дело. Но позволит ли мне Нилов в ней учиться?

– А почему не позволит? – спросил Ванька.

– Потому не позволит, что я сын ссыльного.

– Что ж такого, что сын. Сам ты свободный человек. А потом, раз ссыльный будет учителем, почему тебе не учиться?

– Это верно, – поспешил я согласиться. – Но вот ещё в чём дело: сколько он будет брать за ученье? Если деньгами, ничего не выйдет. Вот если шкурками, тогда я ему настреляю. Да и теперь у меня есть две лисы-огнёвки.

– Конечно, от шкурок поляк не откажется. Ему шуба нужна, – уверенно заявил Ванька. – А за меня отец обещал платить...

Разговаривая о школе, мы медленно шли по дороге в Большерецк, а потом повернули назад. Ванькин отец запретил ему знаться со мной, и мы встречались тайком.

Тут мы услышали, что позади нас едет собачий поезд. Слышно было, как кричали на собак и разговаривали. Мы остановились, чтобы посмотреть, кто едет. Скоро собаки поравнялись с нами. Впереди на нартах ехал Беспойск, уже без бороды, и в руках у него была большая пила. Вместе с ним сидел седой старик. На вторых нартах ехали тоже двое. Один плохо говорил по-русски – должно быть, это был Винбланд. А другой кричал и бил по собакам. Кто это был такой, я не знал.

Собачий поезд остановился у избы Хрущёва, и ссыльные слезли с нарт. Сам Хрущёв вышел к ним навстречу и пригласил войти. Мы постояли невдалеке, посмотрели, а потом я

пошёл провожать Ваньку. Дорогой встретился нам ещё один из новых. Он спросил нас, где изба Хрущёва. Мы ему показали, и он пошёл, покачиваясь, и песню запел:

Батюшка богат, черевички купил...

Мы догадались, что он пьян.

Отца долго не было дома в тот день. Он ходил на охоту и вернулся к ночи. Принёс только одного горностая, бросил его вонючую шкурку в угол и ничего не стал говорить. Я понял, что он обозлён своей неудачей, и не стал лезть к нему с разговорами.

Укладываясь на свою медвежью шкуру, которая служила мне постелью, я почему-то старался убедить себя, что никакой школы не будет в Большерецке.

После ухода Ваньки я решил, что всё равно учиться мне не придётся. И уже готов был заснуть, как в раму сильно постучали. Солдат за окном закричал:

– Полозьев, завтра в шесть выходи на работу в крепость. Топор с собой возьми и лопату.

Отец ответил:

– Ладно.

И принялся ворчать, что, мол, скоро Новый год, меха требуют в канцелярию, а на охоту ходить не дают. А я понял, что вызывают его на постройку школы. Значит, школа всё-таки будет? Неужели не попаду?

С такими печальными мыслями я заснул.

На другое утро отец рано ушёл в крепость. Велел мне принести обед, если днём домой не вернётся. Так и случилось – он не пришёл. Я собрал рыбы, сухарей и пошёл в Большерецк.

На месте постройки народу было человек двадцать. Даже казаки работали и офицеры – расчищали снег. Солдаты подтаскивали стволы листовниц для сруба. В Большерецке тогда было всего три лошади, и их очень берегли. Поэтому и брёвна таскали люди. Нилов, очевидно, очень торопился с постройкой. Сержант из крепости наблюдал за работами и сильно ругался, когда кто-нибудь останавливался передохнуть.

Отец взял у меня еду и велел идти домой. Он не любил, когда в избе нашей никого не было.

Вечером отец вернулся с работы очень усталый. Сердито бросил топор в угол, сел на лавку, сказал:

– Да, брат, построят школу, да не для нас. Пять с полтиной будут брать в месяц за учение...

И принялся ужинать.

Я, конечно, не смел и заикнуться о моём желании ходить в школу. Пять с полтиной – ведь это было девять соболей!

Ночь эта была бурная. Ветер с Ледовитого океана гнал снег и за окном подвывал, как собака. Мне всё время казалось, что к избе кто-то подъезжает. Я никак не мог заснуть и ворочался. Отец сидел около площадки с жиром и чинил торбасы. Огромная тень сапога колыхалась на стене и на потолке. Отец затыгивал зубами жилу, когда в дверь тихо постучали.

– Стучат. Неужели Паранчин в такую пору? – сказал отец неразборчиво. – Открой, Лёнь.

Я завернулся в своего медведя, прошёл к двери и отодвинул засов. Два человека в шубах стояли за порогом. Они быстро вошли и отряхнули с себя снег. Удивление меня взяло: это были офицер Хрущёв и Август Беспойск.

– Мы к вам, Степан Иванович, – сказал Хрущёв отцу, как старинный приятель. – Хоть и мало знакомы, а соседи всё-таки. А это наш новый товарищ по несчастью – Август Самойлович Бенёв.

Отец смущённо встал и не знал, что говорить. Тогда Беспойск протянул ему руку и сказал бодро:

– Можете пойти с нами? По очень важному делу.

Отец отрицательно покачал головой:

– У меня починка, сапоги развалились. И завтра рано вставать на работу.

– Точно?

И Беспойск на ухо прошептал ему что-то. Отец долго смотрел на него, потом усмехнулся и начал надевать кухлянку.

– Запрись, Лёнька, – сказал он мне тихо, – и никого не пускай. Я скоро вернусь.

И они ушли все трое, больше не сказав ни слова. Отец даже топора с собой не захватил. Поэтому я догадался, что важное дело затевается где-то недалеко.

4. Школа

Я ждал отца чуть ли не до утра. Несколько раз подливал жиру в плошку, всё думал, вот-вот стукнет он в дверь. Но только ветер гулял на дворе да сыпал сухим снегом в оконную раму. Я начал даже беспокоиться. Хотел идти к избе Хрущёва, как вдруг отец пришёл, снял кухлянку и начал выколачивать её об пол.

Я не решался спросить его, за каким важным делом звали его офицеры, хотя чувствовал, что ходил он не зря. Вид у него был растерянный, но весёлый. Я сидел на своей шкуре и ждал от него рассказа. Он, конечно, прекрасно это понимал. Посмотрел на меня пристально, ухмыльнулся и сказал:

– Ты чего, Лёнька, не спишь до утра? Закрывай гляделки. Поляк тебя в школу берёт бесплатно. Учиться. Может, чему и выучишься у него за зиму.

Я прямо взбесился от радости. Стал на голову, как медвежонок-полугодка, и начал болтать ногами. Отец быстро лёг. Закричал мне:

– Спи!

И потушил плошку.

После этого разговаривать у нас не полагалось. Но я заснул нескоро, когда уже в наше оконце полез рассвет.

Утром, когда я проснулся, отца не было дома. Я позвал Несту, мою верную собаку, запер дом на замок, и отправился по сугробам в Большерецк. Там прошёлся раза три около поповского дома. А Нест забегал к Ваньке на двор и тявкнул там два раза. Ванька знал, что это я его вызываю, и скоро вышел.

Мы прошли за кладбище, далеко, и только тут я начал рассказывать.

Прежде всего я сообщил, что буду учиться в школе бесплатно. Ванька хотел уже обрадоваться за меня, но я его осадил:

– Стой, Ванька. Есть дела поважнее.

Ванька насторожился.

– Поляк и Хрущёв были у отца вчера ночью. Ведь не затем же они приходили, чтобы сказать, что меня в школу берут. С собой его увели.

– Конечно, не затем, – сказал Ванька серьёзно и задумчиво. – Уж не прибило ли к Чекавке ночью кита?.. Может быть, они свежевать его ходили потихоньку от Нилова?..

– Чёрта с два... Ветер-то вчера был с норда. А потом от отца и не пахло китом, когда он вернулся.

– Может, в картишки играли?

– Да нет... Отец и издали карт не видал никогда.

Тогда Ванька вдруг выпучил глаза и сказал шёпотом:

– Не собираются ли они удрать из Большерецка?

– А ведь верно...

Верно!.. У меня даже в голове помутилось. Не задумал ли поляк, раз он мастер на все руки, уйти с Камчатки? Может, и отца решил прихватить собой...

Но тут я вспомнил, что за попытку бегства порют и бросают в подвал. А потом я знал от отца, как трудно убежать.

Сибирь бесконечна, в лесах легко заблудиться, а на дорогах стоят заставы. Целый год нужен для того, чтобы добраться до Урала.

– Куда убежишь отсюда, Ванька? Как убежишь? – сказал я тоскливо.

– Поляк придумает, нас не спросит, – ответил Ванька решительно.

– Для чего же он тогда школу затевает?

На это Ванька не знал, что ответить. Так мы ничего и не решили тогда. Сговорились только всё замечать, что делается, и сообщать друг другу. Дело хранить в тайне. На том и разошлись.

Однако, несмотря на наше решение всё замечать, мы ничего не заметили за всю неделю. Отец ходил на постройку с раннего утра, а я рубил дрова, топил печку и отгребал снег от порога. Офицеры больше к нам не приходили, и отец, должно быть, к ним не ходил. Возвращался он с работы поздно и всякий раз говорил, что Нилов с работой очень торопит, – должно быть, думает на школе поживиться. Велел построить школу к субботе, хоть при кострах работать придётся.

Ванька тоже не сообщал ничего особенного. Говорил, что Беспойск часто бывает у Нилова и уже начал учить Ваську наукам. Играет в шахматы с казачьим старшиной Черных и с купцом Казариновым. У Казаринова выиграл даже тысячу рублей и на эти деньги хочет дом себе готовый купить, чтобы самому не строить. Нилов, по словам Ваньки, Беспойска очень полюбил и просит принять православную веру, для чего даже вызывал попа, и они вместе пили водку.

Все эти сведения убедили нас окончательно, что никакого побега поляк устраивать не собирается. Мы даже посмеялись над нашим предположением. Беспойск – военнопленный. Как только кончится война с Польшей, он, наверное, получит свободу. Чего ради будет он составлять заговор и рисковать своей шкурой?

В субботу открылась школа. В новой избе была только одна комната, правда, довольно большая. В окнах была вставлена слюда. Нилов её из крепостного склада отпустил. Посередине комнаты стоял длинный стол и лавки. Больше ничего в школе не было, даже печку не успели сложить.

– Вот что, братцы, – сказал он негромко, шлёпая губами. – Благодарите бога, государыню императрицу и меня за милость: не было в Большерецке школы, а теперь есть. О пользе наук вам скажут учителя, я сам не горазд в этом. Учитесь грамоте прилежно. Если от учения пойдут у вас пьянства и дебоши, я тогда вас прикажу отодрать, а школу в тот же час закрою. Так и знайте.

Хотел ещё что-то сказать, но икнул, махнул рукой, и пошёл к выходу. За ним купцы и все остальные. В школе остались только ученики да Беспойск.

Беспойск велел нам сесть вокруг стола и пересчитал всех до одного. Записал на бумагу по фамилиям кому сколько лет. Всего оказалось двенадцать учеников. Парни всё были великовозрастные, двум торговцам было по тридцати лет. Им хотелось изучить арифметику, чтобы записывать товары и барыши.

Составивши список учеников, Беспойск разъяснил, как будут идти занятия в школе. По русской грамоте будет заниматься Хрущёв, по арифметике и геометрии Панов, новый ссыльный офицер, который собак бил палкой. Сам Беспойск обещался нас учить по географии. Велел каждому завести тетрадку и по паре гусиных перьев. Потом взял из угла скалку⁷, на ней была навёрнута карта всего мира, которую он сам нарисовал. Развернул карту, прикрепил её к стене и начал показывать скалкой, где океаны, а где земли.

О том, что земля наша шар, я раньше ещё слышал от Ваньки. Но, по правде сказать, не очень этому доверял. Меня Паранчин сбивал. Он говорил, что земля больше похожа на тарелку. Беспойск с первых же слов сказал, что земля на тарелку не похожа и на китах не стоит. А потом начал рассказывать о холодных странах и о тёплых. О том, как Колумб открыл Америку и что это за люди индейцы. Говорил и об Африке и об островах, где живут негры и где люди от жары ходят голыми. Говорил ещё и многое другое.

⁷ Деревянный валик, на который наматывали выстиранное и высушенное бельё для разглаживания его вальком

Это уже не было похоже на рассказы Паранчина. Беспойск всё показывал скалкой и отвечал на все вопросы. Никогда я не представлял себе, что в школе так интересно учиться. Я слушал, старался запомнить каждое слово и каждое название, но новые слова входили, а старые уходили. Когда урок кончился, у меня остался только какой-то приятный туман в голове.

Мы шли с Ванькой из школы, оба занятые своими мыслями. Ванька сказал:

– Хорошо бы побывать на тёплых островах, Лёнька. Вот где раздолье!

Я ответил:

– Куда уж там! Хорошо бы не позабыть того, что поляк рассказывал. Надо непременно всё это записать, Ванька. Надо достать тетрадку.

– Что ж, – сказал Ванька. – Зайдём в канцелярию. Попросим у канцеляриста бумаги. Может, он и даст. Тогда сошьём тетрадку жилой.

Мы пришли в канцелярию, которая помещалась в особом доме, против крепости. Я никогда там не бывал. Прямо против двери на стене висела большая картина. На картине была написана красками розовая женщина в белом платье, с золотой палочкой в руке. Я догадался, что это царица Екатерина. Вокруг картины была золотая рамка, а за картиной копошились тараканы. Под царицей Екатериной стоял стол, а за ним сидел начальник канцелярии Судейкин, старик с длинным носом, в халате из беличьих шкур. Вокруг него на столе лежали бумаги, но сам он ими не занимался, а играл в шахматы с казачьим сотником.

С тех пор как приехал Беспойск, все в Большерецке играли в шахматы.

Мы с Ванькой сняли шапки и подошли к столу. Но Судейкин на нас и не посмотрел, продолжал сопеть над доской да передвигать коней.

К нашему счастью, он скоро выиграл партию. Засмеялся и стал набивать себе нос табаком. Заметил нас, насупился, спросил:

– Вам чего надо?

Ванька поклонился низко и сказал, что мы поступили в школу и нам нужна бумага. Старик чихнул два раза в нашу сторону и спросил:

– А казённой разве вам не дадут?

Нет.

– Значит, в капитанский карман империял попал, – подмигнул он сотнику. – Есть закон на школу средства отпускать из ясачных денег⁸.

Потом он повернулся к нам, поднял руку и, показав на царицу, сказал торжественно:

– Вот кого земно⁹ благодарите за ваше просвещение: царицу-матушку. И к нам, в наш постылый край, дошла её забота. Так вам бумаги?

– Так точно.

– Много?

– Чтоб две тетрадки сшить.

– Что ж, соболька принесёте, отпущу бумаги. Принесите соболька.

– Да где его взять? – сказал Ванька жалостливо.

– А по горам-то сколько их бегают... Вот, значит, принесите к понедельник шкурку, отпущу вам бумаги. А теперь ступайте, мне некогда.

И он начал расставлять на доске фигуры. Мы вышли за дверь в полном отчаянии. Больше бумаги просить было не у кого.

– Что ж? – сказал я. – Пойдём завтра за соболем, Ванька. Я попрошу у отца сетку и пойдём. Может быть, и удастся подстрелить соболька.

– Пойдём, – ответил Ванька. – Не на бересте же нам писать!

⁸ Империял – золотая монета. Ясак – налог пушینیной.

⁹ Т. е. кланяясь до земли.

Я поспешил домой, чтобы рассказать отцу о первом уроке. Рассказал ему всё, что запомнил, и кончил тем, что завтра иду с Ванькой на соболя.

Отец не стал возражать. Обещал дать соболиную сетку, которую сплёл летом из крапивы, и сказал, что разбудит меня под утро, если погода для охоты будет подходящая.

5. Охота на соболя

Мы вышли с Ванькой часа в три утра. Первый раз я шёл на соболя без отца. Эта охота оказалась и последней охотой на соболя в моей жизни.

Для того чтобы найти соболиный след – *переногу*, – нам надо было прежде всего добраться до горных хребтов, которые лежали на юг от Большерецка. Вблизи жилья соболь не держится. Мы взяли с собой провизии на целый день и шли на лыжах.

Когда начало светать, мы увидели много следов на снегу. Но все они по большей части были лисьи. Только у самых гор мы напали на соболиную *переногу*.

Мы пустили Неста по следу и пошли за ним. Однако собака опередила нас настолько, что мы потеряли её из виду. Нам пришлось долго идти, путаясь лыжами в низком кедровом кустарнике, который не был вполне занесён снегом. Потом мы вышли на снежную равнину.

Тем временем солнце поднялось, день выдался безоблачный. Как это иногда бывает в открытых местах, мы вдруг увидели на горизонте огромного Неста, который бежал куда-то в сторону. Это был мираж от блестящего снега, и я знал эти шутки. Мы продолжали идти по следу, пока вдали наконец не показался небольшой лесок. Оттуда доносился лай настоящего Неста. По этому лаю мы поняли, что он загнал соболя на дерево.

Мы начали тихо подходить, и я уже слышал, как соболь фыркает на собаку. Эти звуки наполнили радостью моё сердце. Я считал, что шкурка уже лежит у меня в мешке, и радовался, что тетрадки так легко нам достались.

Я снял рукавичку, положил палец на холодный кремль и, стараясь не дышать, осторожно передвигал лыжи. Снег у леса был очень глубокий, и идти было трудно. Но ничего этого я не замечал. Как настоящий охотник, я слился с ружьём и позабыл обо всех трудностях.

Мы подошли уже близко. Скоро можно было стрелять. Нест перестал лаять и стоял, глядя вверх. Я приложился, но сейчас же опустил ружьё. Проклятый соболь, не подпустив меня на выстрел, прыгнул с самой верхушки дерева и исчез в снегу, не оставив никакого следа, кроме небольшой ямки.

Я знал, что под снегом соболь может пройти полверсты и что теперь взять его трудно, так как Нест за ним под снег не ползет. Но я не считал дело проигранным. Собака всё-таки могла оказать нам большую помощь. Мы начали ходить вокруг леска и, правда, очень нескоро, всё же нашли дырку в снегу, откуда соболь выскочил. От дырки по снегу тянулся тонкий следок.

– Придётся идти до норы, – сказал Ванька со вздохом.

Он знал, что теперь охота затянется надолго, и сейчас же упал духом.

Может быть, умнее было махнуть на соболя рукой и вернуться домой, но я так увлёкся охотой, что и мысли не допускал о таком позорном исходе. Я позабыл, как рано смеркается в эти дни и как далеко мы отошли от дома. Мы ещё ничего не ели с утра и ни разу не присаживались. Однако, постояв недолго у соболиного следа, без всяких лишних разговоров мы двинулись за Нестом, который тоже без раздумья продолжал начатое дело.

Соболиная нора оказалась вёрстах в четырёх от леска. Но мы и этому были рады, так как теперь знали, что соболь от нас уже не уйдёт. Надо было только умеючи выгнать его из норки.

Из рассказов отца я знал, что охотники сидят иногда по два дня у норы, ожидая выхода зверька. Я рассчитывал, что мы сумеем покончить с этим делом гораздо скорее. Я прогнал Неста, который принялся было разрывать нору. Приказал ему молчать. Нест улёгся на снегу, следя за каждым нашим движением.

Мы живо расставили сетку из крапивы у самого устья норы, прикрепив её к колышкам. Осмотрели кругом внимательно весь снег и, убедившись в том, что никакого другого отверстия из норы не было, принялись плясать над тем местом, где, по нашему убеждению, сидел соболь. Мы решили попытаться спугнуть его и этим ускорить конец.

Но соболь, должно быть, был не из пугливых. Мы продолжали плясать до тех пор, пока не устали. Передвигая озябшими ногами, мы даже успели немного закусить, но соболь всё не показывался. Отчаяние овладело нами. Мы сели на снег и долго молчали. Нам оставалось теперь тихо сидеть и дожидаться добровольного выхода соболя. Он мог выйти ближе к ночи, но мог остаться в норке и до раннего утра. Мы должны были сидеть как можно тише и даже не разговаривать.

Совсем стемнело, когда я услышал слабый звон бубенчика на сетке, и Нест вдруг встрепенулся. Соболь выскочил и запутался в сетке. Я сейчас же выстрелил, чтобы не затягивать дела. Убил соболя наповал и даже сетку разорвал в двух местах.

Ванька быстро снял шкурку с соболя, а мясо бросил собаке. В это время уже было совсем темно. Надо было возвращаться домой как можно скорее. Только покончив с соболем, мы почувствовали, как устали за день.

У нас не было с собой мешков для спанья – на долгую охоту мы не рассчитывали. До Большерецка было не менее двадцати вёрст. К тому же начал идти снежок, небольшой, но совершенно достаточный для того, чтобы засыпать наши следы и утяжелить дорогу. Правда, с нами был Нест, и он привёл бы нас к дому, но Нест никогда не ходил прямо. Пришлось всё-таки двинуться следом за ним, скрывая друг от друга опасение, что нам не удастся в эту ночь добраться до дома.

К ночи мороз сделался злее, и ветер начал дуть со стороны океана. Он проникал в самые маленькие щели под меховую одежду и резал тело, как ножом. Чтобы подбодрить Ваньку, я попытался завести разговор о тёплых краях. Но он только рукой мне махнул.

Когда замерзаешь в открытом поле, трудно представлять себе солнечные страны, где одежда совсем не нужна.

Ванька шёл, тяжело дыша, всё время оглядываясь по сторонам. Я отлично понимал, в чём дело. Он боялся нарваться на стаю волков, которые особенно злы в декабре. Хотя мы оба были с ружьями и собака у нас была, встреча с волками не предвещала ничего хорошего. Этого зверя больше всего боялись в наших краях. Паранчин никогда не советовал даже стрелять в волков, чтобы их не сердить. Главный волк – вожак – назывался у коряков *оуртайоно*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.